

Карл Шмитт и Георг Зиммель в перспективе теории международных отношений и международного права

Carl Schmitt and Georg Simmel in the perspective of the theory of international relations and international law

DOI: 10.12737/2587-6295-2024-8-2-69-78

УДК 327; 341.01

Получено: 29.04.2024

Одобрено: 20.05.2024

Опубликовано: 25.06.2024

Королев С.В.

Д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, почетный работник сферы образования email: sko.05@mail.ru

Korolev S.V.

PhD (Law), full professor, chief scientific researcher at the international law department of the State and Law Institute (the Russian Academy of Sciences), honorary labourer in the sphere of education
email: sko.05@mail.ru

Аннотация

Творчество Карла Шмитта уже не одно десятилетие вызывает пристальный интерес российских политологов, теоретиков права и конституционалистов. Утверждать подобное о творчестве Георга Зиммеля было бы неосторожно, хотя и его социология не является для русскоязычных читателей – terra incognita. В мировоззренческом и, особенно, идеологическом плане оба автора являются антиподами. На первый взгляд, для сравнительного анализа творчества Шмитта и творчества Зиммеля вообще невозможно найти общий знаменатель. Тем не менее, формулируя *цель* исследования, такой общий знаменатель автор статьи нашел в сопоставлении шмиттовской политической концепции «друг-враг» и зиммелевской социологической концепции «свой-чужой». Более того, по мнению автора, указанная концепция Шмитта приобретает дополнительные смысловые нюансы как раз благодаря её сравнительному анализу с указанной концепцией Зиммеля. Ключевым *методом* исследования выступает сравнительный анализ, с помощью которого сопоставлены две вышеобозначенных концепции. Делается *вывод*, что обе концепции являются инструментальными, прежде всего, в области международных отношений. Автор полагает, что практически всю сферу международной жизни можно интерпретировать как взаимодействие указанной концепции Шмитта с указанной концепцией Зиммеля. Более того, обе парадигмы можно совмещать в рамках одной и той же международной ситуации. Например, если один субъект международного права рассматривает другого субъекта в качестве «экзистенциального врага», то этот последний не обязан укладываться в Прокрустово ложе такой интерпретации, а может в ответ рассматривать первого субъекта лишь в качестве «чужого», а не «экзистенциального врага». *Теоретическая значимость* исследования заключается в использовании концепций Карла Шмитта и Георга Зиммеля для дополнения теории международных отношений и международного права новыми умозаключениями и обобщениями.

Ключевые слова. Карл Шмитт, Концепция «друг – враг», Георг Зиммель, концепция «свой-чужой», теория права, международные отношения, теория международного права.

Abstract

Carl Schmitt's intellectual legacy keeps attracting Russian jurists and social scientists for at least three decades. It would be unwise to give a similar comment on Georg Simmel's legacy. Though, Simmel's agenda is also no *terra incognita* in this country. Both in their respective world outlook and ideologically Schmitt and Simmel are worlds apart. At first sight, it would be impossible to find a common key which would enable a comparative analysis of their works. Nevertheless, formulating the purpose of the study, the author of the article found such a common denominator in the comparison of Schmitt's political concept "friend-enemy" and Simmel's sociological concept "friend-foe". The key research method is comparative analysis, which compares the two above-mentioned concepts. It is concluded that both concepts are instrumental, primarily in the field of international relations. The author holds that practically all sphere of international relations lends itself to the interplay of the said conceptions. Moreover, they can be applied for a proper investigation of the same international situation. For example, one international actor regards another one as its "existential enemy". But the other one is not bound to lend itself to this status. The other one may discard the role the imposed "existential enemy" and regard the first one in the Simmel's term of "stranger". This term has no pejorative connotations, not even the aftertaste of unfriendliness. The theoretical significance of the research lies in the use of the concepts of Karl Schmitt and Georg Simmel to supplement the theory of international relations and international law with new conclusions and generalizations.

Key words. Carl Schmitt, the "friend – enemy" conception, Georg Simmel, the "familiar – alien" conception, legal theory, international relations, international law theory.

Введение

Карл Шмитт является автором бинарного кода («друг – враг») [2, с. 58-66], предложенного им для анализа всей сферы политических отношений. Несмотря на превосходную и, во многом, новаторскую аргументацию [15, с. 8, 11, 13-14, 16] шмиттовский бинарный код сам по себе не является оригинальным. Функционально он совместим с марксистской теории классовой борьбы. Марксистская конфликтология также конструируется по принципу бинарного кода. В ней есть место только для двух антагонистических классов - «эксплуататоров» и «эксплуатируемых». Однако, реальная жизнь гораздо богаче *жестких* полярных оппозиций будь - то в духе Карла Маркса, будь - то в духе Карла Шмитта. Тем не менее автор статьи полностью разделяет базовую идею Маркса и Шмитта о том, что политическая сфера, включая международные отношения, носит *антитетический* характер.

Политику, на наш взгляд, вообще невозможно свести к монистическому принципу. Так, знаменитый тезис Френсиса Фукуямы о «конце истории» ввиду «окончательной победы западного либерализма» [5, с. 7] оказался скороспелой пустышкой, классическим примером «wishful thinking» (отождествления желаемого и действительного). Сфера политического – это всегда коллизия интересов, в том числе и антагонистических, но в то же время это и сфера (разумных или вынужденных) компромиссов.

Маркс и Шмитт склонны гипертрофировать роль политических или социально-экономических противоречий. Соответственно, они недооценивают важность принципа сдержек и противовесов как фактора промежуточных стадий, статусов и рациональных договорённостей. Проще говоря, по Марксу и Шмитту получается, что антагонизмы, поскольку они превалирует в любом политическом *процессе*, несовместимы с поиском компромиссных *решений*. При таком подходе получается, что невозможна никакая политическая коммуникация, не говоря уже о рациональном политическом диалоге.

Методы и краткий обзор литературы

Исследование проводится с помощью сравнительного анализа концепции К. Шмитта и Г. Зиммеля, благодаря чему оно приобретает дополнительные смысловые нюансы.

Знаменитая шмиттовская оппозиция «друг – враг» нередко рассматривается как грубое упрощение всегда более нюансированных *реальных* социальных связей вообще и политических отношений, в частности [4]. Но такой подход сам страдает упрощенным схематизмом. Основной дефект подобного подхода кроется в том, что он является продуктом секуляризованного (атеистического) мышления. Другими словами, любой из цитируемых нами авторов критикует Шмитта изнутри секуляризованной системы координат, как если бы один атеист критиковал другого атеиста.

Однако, секуляризованная линия аргументации как раз в отношении Шмитта «бьёт мимо цели». Камертоном для правильного понимания концепции «друг – враг» является тезис Шмитта о том, что «все чеканные (*prägnante*) понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризованные богословские понятия» [13, с. 43]. Шмитт приводит гениальную аналогию к этому тезису: «Чрезвычайное положение для юриспруденции имеет такое же значение, какое для богословия имеет чудо» [13, с. 43]. На наш взгляд, как раз при анализе творчества Шмитта нельзя выводить за скобки его теологические аргументы.

Итак, идею бинарного кода Шмитт считает основополагающей для всех сфер социальной жизни. Эта идея по Шмитту сводится к предельному, или последнему разграничению противоположностей в той или иной сфере общественного бытия: «Предположим, в области морали последними разграничениями (*Unterscheidungen*) являются добро и зло, в эстетике – прекрасное и безобразное, в экономической сфере полезное и вредное или, например, рентабельное и нерентабельное... Специфически политическим разграничением, к которому сводятся все политические действия и мотивы, является разграничение - друг и враг» [14, с. 13].

Все указанные Шмиттом бинарные коды асимметричны в том смысле, что они устремлены к полюсу соответствующего блага, т.е. неоспоримой ценности. Другой же полюс символизирует просто отрицание этой ценности. Так, зло – несамоценно, оно - лишь отрицание морального добра, безобразное – лишь отрицательный масштаб для эстетически прекрасного, нерентабельность по определению есть лишь неуспех рентабельности.

Однако, Шмитт, похоже, намеренно игнорирует принципиальное отличие бинарных кодов в области морали, эстетики и экономики, с одной стороны, от политического бинарного кода, с другой. В самом деле, по Шмитту получается, что в политическом бинарном коде точкой смыслового притяжения является - лингвистически и этически - *отрицательный* полюс «врага». В принципе же *положительный* полюс «друга» не является самоценным: он служит лишь «подсветкой» для более рельефного опознания «врага». Впрочем, с учетом католической доминанты Шмиттовского миропонимания в этом нет ничего удивительного: в контексте средневековой схоластики категория «врага» - до её «секуляризации» в политологии - носила буквально сверхчеловеческий характер.

«Враг» в чем-то изначально сакрален, а «друг» никогда. Мы редко отдаём себе отчёт в том, что многие из наших «друзей» – просто случайные «приятели». Их «дружба» с нами – диффузное социальное «облако» с досадным подтекстом в духе знаменитого четверостишия Александра Сергеевича Пушкина: «Что дружба? Легкий пыл похмелья, Обиды вольный разговор, обмен тщеславия, безделья, иль покровительства позор» [3].

В терминах христианского богословия «Враг» известен: он - «не от мира сего», он – вообще не человек, он - «Дух злобы поднебесной». Когда же наступает хрестоматийный «момент истины», обычный (земной) «друг» может легко пожертвовать своим «другом» или всеми «друзьями» разом. «Друг» по Шмитту в принципе открыт для подлости и предательства. «Врагом» же в теологической перспективе «пожертвовать» невозможно: он в принципе несовместим с ролью жертвы и «предать» врага, как мы порой предаем друзей, не получится. Таким образом, «друг» - изменчивая категория, а «враг» - нечто надежное в своём постоянстве. Шмитт фактически меняет известный тезис: «Скажи мне кто твой друг, и я скажу кто ты» на тезис «Скажи мне, кто твой *экзистенциальный* враг, и я скажу кто ты».

Практический парадокс шмиттовской конфликтологии заключается в том, что *секуляризованный* «политический враг» это - не просто идеологическая метафора, символизирующая «Духа злобы», а политический субъект «из плоти и крови». При этом «политический враг» по Шмитту – это не «частное лицо» [14, с. 16], а определенное сообщество. «Враг» по Шмитту – это коллективный субъект как носитель определенного цивилизационного кода, который воспринимается враждебным со стороны другого политического сообщества. Фактически такой коллективный, или цивилизационный враг выполняет функцию самоидентификации «от противного» для (цивилизационно полярного) политического сообщества, цепляющегося – правдами или неправдами – за свою национальную или цивилизационную идентичность.

Шмиттовской дихотомии «друг – враг» присущ латентный ницшеанский мотив в том смысле, что сфера Политического индифферентна по отношению к моральному, эстетическому или экономическому коду социальных отношений. В политической сфере бинарные коды морали, эстетики или экономики не исчезают вовсе, но причудливо преломляются, трансформируются, меняя полюс ценностного притяжения.

Другими словами, экономическая нерентабельность, например, строительство автомобильной трассы в пустыне, может превратиться в политическую рентабельность, эстетически безобразное, например, факельное шествие люмпенов с последующим ритуальным сжиганием книг может приобрести флёр политически прекрасного, а моральное зло легко может стать политическим добром, скажем, в духе «Фауста» Гёте: «Ich bin ein Teil von jener Kraft, Die stets das Böse will und stets das Gute schafft» (= «я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»)[6. с. 47].

Как сказано выше, Шмитт, являясь автором идеи бинарного *кода* социальных отношений, не является автором самой *методики* анализа бинарных оппозиций. Быть может, первым мыслителем, применившим эту технику в Древней Греции, был Гераклит (ок. 544 до н.э. – ок. 483 до н.э.). Правда, Шмитт не является последователем диалектики ни Гераклита, ни Платона, ни Гегеля, ни, тем более Маркса, поэтому его не интересуют возможные - или даже неизбежные - метаморфозы друга во врага или врага в друга. Шмитт сфокусирован не столько на самой оппозиции «друг – враг», сколько на «вечной идее» экзистенциального врага как такового.

Результаты анализа

В этом контексте интересно сопоставить методологическую ангажированность Карла Шмитта, т.е. его сфокусированность на понятии «врага» с аналогичной методологией Георга Зиммеля, которая сфокусирована на понятии «чужака» (der Fremde). В отличие от Шмитта Зиммель не скрывает своих философских корней. Прежде всего, Зиммель отдает дань инсайтам Иммануила Канта: «Ученый не находит свой предмет в заранее препарированном виде (vorgefertigt) как часть действительности, которая нуждается лишь в регистрации. Он конструирует объект своего познания, выделяя и комбинируя существенное» [7, с. 9].

В принципе оба мыслителя – и Шмитт, и Зиммель – исходят из того, что и «экзистенциальный враг» (по Шмитту) и «чужак» (по Зиммелю) – это, прежде всего, ментальные конструкции. Это - лишь идеологемы или даже мифологемы, необходимые авторам этих конструкций для того, чтобы обезопасить или утвердить свою собственную идентичность. Однако, есть и существенное отличие в исходных мировоззренческих установках Шмитта и Зиммеля, соответственно.

Шмитт изначально отказывается рассматривать себя лично в терминах «экзистенциального врага» для кого бы то ни было хотя бы потому, что экзистенциальный враг всегда является коллективным субъектом. Например, анализируя легенду о великом инквизиторе из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» [1, с. 271-289], Шмитт вовсе не позиционирует себя врагом Православия, хотя в итоге всё-таки упрекает Федора Михайловича не только во враждебности к католицизму, но даже в «скрытом атеизме» [15, с. 32].

В терминах языкознания «экзистенциальный враг» существует для Шмитта в качестве существительного второго лица множественного числа («вы - наши враги»). Для католика Шмитта «экзистенциальные враги» это, прежде всего, - явные или скрытые атеисты, особенно, либералы, независимо от их национальности. Отдельно же взятый и заподозренный в атеизме русский писатель может фигурировать для Шмитта лишь отстранённо, лишь как «он», т.е. в качестве существительного третьего лица единственного числа.

У Зиммеля совсем другая исходная мировоззренческая установка. Он не был этническим немцем: вероятно, поэтому, разрабатывая социологическую конструкцию «чужака», Зиммель сам лично вникал и углублялся в эту роль. Другими словами, Зиммель мыслит от первого лица единственного числа: он не ищет «чужака» на стороне, а сам погружается в менталитет «чужого».

Зиммель как бы задаёт себе непростой вопрос: «А свободен ли я как урожденный берлинский еврей, с одной стороны, и приват-доцент немецкого университета, с другой, достигнутый врасплох экзистенциальной оппозицией «свой-чужой», по усмотрению выбирать любой из этих полюсов?». Более того, драматургия зиммелевской оппозиции «свой-чужой» в терминах шахматной игры представляет собой перманентный «Zugzwang»: какой бы выбор ни сделал «шахматист» Зиммель, любой ход будет малоудовлетворительным и, в чем-то экзистенциально «гибридным». Изначально, в своем анализе дихотомии «свой-чужой» Зиммель сделал ставку на полюс «чужака», но быстро пришел к выводу, что «чужак» (например, еврейский лавочник) для своих немецких клиентов, в чем-то неизбежно становится «своим еврейским лавочником».

Однако, став в чем-то «своим» для немцев, он неизбежно становится в чем-то «чужим», скажем, для евреев из Франции или Англии, которые в чем-то являются «своими» для французов или англичан, но никак не для «немцев» [11]. Данный инсайт Зиммеля превосходно иллюстрирует знаменитое «дело Дрейфуса», французского офицера времен Первой мировой войны, обвиненного в шпионаже в пользу Германии.

Чужак сигнализирует местным жителям то, «что можно обозначить, к сожалению, затёртым словом «альтернативная форма жизни»» [7, с. 163]. Самим фактом пребывания среди «не своих», т.е. местных старожилов чужак ставит под вопрос традиционное единообразие местных социальных практик. Поведение же тех местных жителей, которые чаще всего контактируют с «чужаками», постепенно приобретает черты образа жизни, «чуждого» для «своих» (= местных старожилов). В свою очередь, и в изначально гомогенной диаспоре «чужаков» появляются «чужие среди своих», которые перенимают некоторые социальные характеристики местных старожилов. В конечном итоге, Зиммель делает общий вывод о том, что «население индивидуализируется, и состояние быть «чужаком» становится общим» [7, с. 163].

Огромное значение для зиммелевской теории «чужака» имеет понятие *дистанции*. Его Зиммель заимствовал из искусствоведения. В рамках концепции «чужака», понятие дистанции превращает «чужака» в диалектическую и даже парадоксальную категорию. В самом деле, чем ближе мы узнаём «чужака», тем глубже погружаемся в его «чуждость» для нас, тем сильнее ощущаем всё возрастающую дистанцию между ним и нами, тем выше степень его социо-культурной удаленности от нас.

С другой стороны, в той степени, в которой мы уясняем или даже просто «терпим» социокультурное своеобразие «чужака», дистанция между ним и нами начинает существенно сокращаться вплоть до предельного минимума. В качестве классического примера можно привести кавказское куначество, которое как своеобразное «братство на крови» могло возникнуть даже между экзистенциальными врагами в духе Шмитта, например, между кавказским абреком и, скажем, казачьим есаулом.

Слово «дистанция» играет в методологии Зиммеля во многом такую же роль, какую в искусствоведении играет термин «перспектива». В своей ранней работе «Основные вопросы социологии» [16]. Зиммель сначала проводит аналогию между пространственными канонами эстетического восприятия произведений живописи, где *одна* (малая) дистанция

требуется для рассмотрения каких-то деталей картины, но для эстетического охвата полного её смысла нужна *другая* (более протяженная) дистанция, т.е. созерцателю необходимо существенно отступить назад от полотна [16, с. 10].

Затем, используя метод аналогии, Зиммель трансформирует идею *эстетической* дистанции в идею *социологической* дистанции, точнее, в идею «социологической точки зрения» (Standpunkt) [16, с. 12]. Указанная точка зрения, по Зиммелю, представляет собой не что иное, как ментальное «обобществление» (= Vergesellschaftung), т.е. вычленение социологом какого-то определенного отрезка из континуума единичных фактов и событий в зависимости от ракурса и фокуса исследовательского интереса [10]. Эти промежуточные отрезки, в свою очередь, также можно объединять, т.е. конструировать в более крупные отрезки, помещая их в более широкие рамки социальных измерений.

Социология по Зиммелю как наука первична, а историография вторична. Соответственно, одна социологическая дистанция нужна, скажем, для анализа сражения Наполеона при Бородино или его битвы под Ватерлоо. Совсем другая социологическая дистанция нужна для охвата и, соответственно, понимания динамики наполеоновских войн вместе взятых. Таким образом, в зависимости от поставленной исследовательской задачи социолог то сокращает, то удлиняет «социологическую дистанцию», переходя от одной *дистанционной* точки зрения к другой. Важно отметить, что в рамках методологии Зиммеля социолог меняет не свои *мнения* по поводу аналогичных явлений, а меняет *ракурс* или дистанцию приближения к ним или отстранения от них.

Итак, мы нашли ключевое слово для правильного понимания термина «чужой» в рамках социологии Зиммеля, а именно слово – «отстранение». Ни в коей мере, нельзя поддаваться соблазну и рассматривать этот термин по аналогии с гегельянским, а затем и марксистским понятием «отчуждение» (Entfremdung) [8]. У Гегеля и Маркса речь идёт о субстанциональном, сущностном отчуждении человека от своей собственной природы [12]. У Зиммеля же в его теории социальной дифференциации слово «отстранение» имеет методологический и, быть может, отчасти квази - феноменологический смысл. У Зиммеля порой можно найти аргументы, которые предвосхищают феноменологию Эдмунда Гуссерля [9, с. 94], но здесь не место развивать эту тему.

Теперь настало время провести краткий сравнительный анализ обеих оппозиций – «друг-враг» и «свой-чужой», соответственно. Шмитт, как сказано выше, аргументирует от второго лица множественного числа. Экзистенциальный враг по Шмитту является коллективным субъектом. Такой субъект как бы теснит нас своей экзистенцией, своей событийной (с нами) значимостью и угрозой трансплантации своего цивилизационного кода на наш цивилизационный код. Парадокс «нашего» экзистенциального врага заключается в том, что мы его идентифицируем и ощущаем *только* в этом качестве, но мы не можем дать ему «описание» или «словарную дефиницию». Для этого, мы должны сменить парадигму второго лица множественного числа на парадигму третьего лица множественного числа, т.е. сменить диалогический ракурс полемической интеракции («вы – мои враги») на нейтральную, повествовательную позицию («они – мои враги»).

Однако, если мы меняем перспективу «вы - наши враги» на перспективу «они – наши враги», мы должны от психологического опознания «нашего» коллективного врага и ощущения его внешней враждебности к нам постараться перейти в другой жанр его восприятия. Мы должны от него отстраниться, освободиться от чувства его перманентного соприсутствия. Иначе говоря, мы должны преодолеть латентный синдром «сиамских близнецов», характерный для Шмиттовского бинарного кода, когда мы опасаемся потерять нашу идентичность как бы вне интимной близости к нашему экзистенциальному врагу в качестве нашего «сиамского близнеца».

Короче говоря, для того, чтобы рассматривать экзистенциального врага в грамматическом формате третьего лица, мы должны взять дистанцию, т.е. от полемической парадигмы Шмитта перейти к повествовательной парадигме Зиммеля. Но, взяв к «врагу» дистанцию, чтобы применить дескриптивный метод, мы неизбежно совершаем деконструкцию самого

понятия «экзистенциальный враг». Он в принципе не может стать «третьим лицом» в каком-то повествовании. Как бы то ни было, «дескриптивный враг», втиснутый в Прокрустово ложе «словарной дефиниции» это - уже литературный персонаж, которого мы сами сконструировали и, тем самым, во многом деконструировали его экзистенцию.

Таким образом, через понятие «дистанции» нам удалось перекинуть когнитивный мостик от полемической парадигмы Шмитта «друг-враг» к повествовательной (дескриптивной) парадигме Зиммеля «свой-чужой». Как сказано выше, экзистенциальный враг по Шмитту – это носитель *подчеркнуто* иного социокультурного кода. «Почёркнуто» является здесь ключевым словом. Любая «подчеркнутость» какой-либо социокультурной характеристики представляет собой либо симптом, либо даже синдром некоего внутреннего разлада. «Подчёркнутое» поведение обычно ориентировано на внешнего зрителя или – ещё хуже – придает поведенческому акту «актёра» флёр нарциссизма. Если, скажем, осторожный и надежный водитель решит в процессе вождения «подчеркивать» свою осторожность и надежность, то этот «подчеркнуто» драматургический момент, как минимум, задвигает на задний план осторожное и надежное вождение как самооценку.

Как раз в сфере международных отношений концепция «чужака» в социологии Георга Зиммеля имеет неоспоримые преимущества перед концепцией «друг-враг» Карла Шмитта. В зиммелевской парадигме речь идёт о системе международных отношений, построенной на технике взаимных отстранённых оценок друг друга субъектами международного права и постоянном процессе корректировки встречных ожиданий. На наш взгляд, XXI в. нуждается в новой парадигме международной политики и международного права: в глобальной деревне международных отношений должна возобладать матрица челночной и непрерывной идентификации + самоидентификации не только «чужих» с позиций «своих», но и «своих» с позиций «чужих».

Критерием, или даже смысловым якорем категории «свой» является категория «собственный». Другими словами, вопрос о том, кто нам «свой», а кто нет, мы определяем по себе, т.е. по своим собственным характеристикам, предрассудкам, предпочтениям, идиосинкразиям. С другой стороны, критерием, или смысловым якорем категории «чужой», является категория «другой». Всякий «чуждый» нам предстает перед нами, прежде всего, как «другой», не такой, как мы.

Отсюда, по Зиммелю в социальных отношениях мы неизбежно погружены в диалектику перманентной (пере)идентификации «своих» и «чужих» без всякой гарантии не «промахнуться» в том или ином случае. Этот инсайт Зиммеля имеет особое значение для современных международных отношений. Так, любой «свой» помимо наших собственных характеристик, которые мы в нем презюмируем, неизбежно имеет *другие* собственные характеристики, отличные от наших собственных характеристик и часто нам неизвестные. Другие словами, «свой» имеет свойство являться нам другим, во всяком случае отдельным от нас. Более того, он может нам являться «незнакомцем», т.е. ситуативно подпадать под категорию «чужой». С другой стороны, изначально «чужой» в нашей системе координат является для нас таковым, потому что мы рассматриваем его как отрицательного двойника (= политического «сиамского близнеца») наших собственных характеристик.

Выводы

1) Несмотря на маргинальный характер категории «друг», точнее, её субсидиарную роль по отношению к категории «враг», дихотомия Шмитта «друг-враг» сохраняет изначальную бинарность: обе полярные категории являются взаимно референтными, т.е. поддерживают *смыслы* друг друга. Иначе говоря, понятия «друг» и «враг» в дихотомии Шмитта представляют собой строгие логические противоположности: одно без другого теряет *собственный* смысл.

2) Соответственно, если в международной перспективе, т.е. в международных отношениях исходить из категории «друг», то «враг» определяется отрицательно, а именно как «недруг». С этим, на наш взгляд, Шмитт легко бы согласился. Но если бы Шмитт знал

русский язык, то, вероятно, обратил бы внимание на дореволюционную терминологию русских генералов, которые эмоционально заряженному слову «враг» предпочитали нейтральный термин «неприятель». В контексте военной терминологии «неприятель» это - субъект, который не принимает нас в свой круг бытия. Короче говоря, он подчеркивает свою чуждость для нас. На этом месте парадигма Шмитта «друг-враг» как бы плавно «перетекает» в парадигму Зиммеля «свой-чужой».

3) В дихотомии Шмитта не понятие «друг», а понятие «враг» (=недруг) первично в экзистенциальном смысле. «Врага» мы всегда чувствуем постольку и поскольку он нас стесняет или «наезжает» на нашу экзистенцию, угрожает нашей идентичности. Однако, логически первичным является как раз термин «друг», поскольку логически враг – это всегда «недруг». Отсюда, получается, что в международно-правовой парадигме Шмитта всегда есть место для «друзей». Другое дело, что в международных отношениях нет места для прекраснородушной романтики. Соответственно, любой международный субъект, постольку и поскольку он нам «не враг», отвечает параметрам «международно-правового друга».

4) В сфере международных отношений следует чётко различать «политического врага» в духе Шмитта от «драматургического, или фейкового врага». Иначе говоря, одно дело – экзистенциальный враг «для нас», т.е. от второго лица («вы – наши враги») как коллективный носитель принципиально чуждого цивилизационного кода, который феноменологически, т.е. *интенционально* нацелен на деструкцию «нашего цивилизационного кода». По Шмитту экзистенциального врага «мы» сразу опознаем именно в его экзистенциальном формате.

5) Совсем другое дело – «перформативный враг» от первого лица, когда «мы» сами взращиваем и храним нашу адресную враждебность по принципу «мы – ваши враги». Таким образом, «перформативный враг» САМ навязывает себя в качестве «политического врага» определенному политическому сообществу. При этом «перформативный враг» нередко *интенционально* нацелен на деструкцию «родственного или даже собственного цивилизационного кода». Для такого «врага» - главное перформанс, политический спектакль, а не экзистенциальные цивилизационные проблемы в строгом смысле.

6) Понятие «экзистенциальный враг» окончательно превращается в элемент фарса, когда некое политическое сообщество как бы получает «экзистенциального врага в дар» извне. Вот что по этому поводу пишет Карл Шмитт: «До тех пор, пока некий народ существует в политической сфере, ему (объективно – автор статьи) надлежит... самостоятельно проводить разграничение друга и врага. В этом заключается сущность политической экзистенции. Если у него нет более способности или воли к такому разграничению, то такой народ перестает существовать политически. Если же он позволяет чужаку предписывать, кто ему враг и против кого ему дозволено бороться, а против кого нет, то он уже не является политически свободным народом и подлежит вхождению в другую политическую систему или подчинению ей» [14, с. 38].

7) «Драматургический, или перформативный враг» в сфере международных отношений пребывает в состоянии перманентного когнитивного диссонанса. С одной стороны, он старается во что бы то ни стало удержать свою мировоззренческую позицию в статусе самопровозглашенного врага от первого лица («Мы – ваши враги»). Но, «те другие», которым адресован вызов, вполне могут отказать перформативному врагу в статусе врага от второго лица множественного числа («да никакие вы нам не враги»). В такой ситуации внутренняя самооценка перформативного врага начинает трещать по швам от того, что «те другие» не воспринимают всерьез сам статус (самопровозглашенного) перформативного врага.

8) Одно дело лишь демонстрировать роль драматургического, или перформативного врага, совсем другое дело быть врагом в экзистенциальном плане. Ведь статус экзистенциального врага по Шмитту нельзя присвоить себе по капризу и навязать себя в качестве экзистенциального врага кому-то в контексте той или иной политической конъюнктуры. Более того, статус экзистенциального недруга надо ещё заслужить. Настоящий

экзистенциальный враг – это не просто «тот другой», которого есть резон серьёзно опасаться, но и тот, которого есть резон в чём-то ценить и уважать.

9) Для нейтрализации пафоса драматургического (фейкового) врага, на наш взгляд, необходимо и достаточно просто сменить шмиттовскую парадигму «друг-враг» на зиммелевскую парадигму «свой-чужой». При этом достаточно субъекту международного права, которому некто навязывает статус «экзистенциального врага», не отвечать взаимностью. Надо лишь всегда удерживать холодную отстранённость и, тем самым, сигнализировать самопровозглашенному (фейковому) врагу его чуждость, инаковость, но никак не экзистенциальный страх.

10) Таким образом, зиммелевская дистанция позволяет блокировать синдром «сиамского близнеца», который характерен как раз для шмиттовской концепции «друг-враг». Международно-правовая дистанция в духе Зиммеля нейтрализует пафосный статус «псевдо-экзистенциального врага» и переформирует его в банального (технического) «неприятеля».

Литература

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Художественная Литература, 1973. – 835 с.
2. Королев С.В. Бинарный код как социокультурная матрица западноевропейской цивилизации: Ф. Ницше, К. Шмитт, Н. Луман // Право в культурном измерении. Новые векторы развития (под общ. ред. В.Н. Синюкова и М.А. Егоровой). – М.: Проспект. – 2003. – С. 58-66.
3. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Том Второй. Стихотворения 1823-36 годов. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – 782 с.
4. Fijalkowski J. Die Wendung zum Führerstaat: Ideologische Komponenten in der politischen Philosophie Carl Schmitts. – Köln: Westdeutscher Verlag, 1958. – 224 p.
5. Fukuyama F. The Ende of History and the Last Man. – N.Y.: Free Press, 1992. – 456 p.
6. Goethe J.W. Faust 1 - Hamburger Ausgabe Band 3. - München: dtv., 1982. – 211 p.
7. Helle H.J. Georg Simmel: Einführung in seine Theorie und Methode. – München, Wien: Verlag Oldenburg, 2001. – 212 p.
8. Henning Ch. Theorien der Entfremdung. Zur Einführung. – Hamburg: Junius Verlag, 2018. – 256 p.
9. Husserl E. Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen. – Haag: Martinus Nijhoff, 1950. – 94 p.
10. Larmore Ch. The Morals of Modernity. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 244 p.
11. Mosse G.L. The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich. – N.Y.: Grosset and Dunlap, 1964. – 396 p.
12. Musto M. Karl Marx's Writings on Alienation: Critiquing Capitalism. – London: Palgrave Macmillan, 2021. – 196 p.
13. Schmitt C. Politische Theologie: Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität [1922]. 10-te Aufl. - Berlin: Duncker und Humblot, 2015. - P. 43.
14. Schmitt C. Der Begriff des Politischen. – München: Duncker und Humblot, 1932. – 88 p.
15. Schmitt C. Roman Catholicism and Political Form. Transl. by G.L. Ulmen. – Westport, London: Greenwood press, 1996. - 102 p.
16. Simmel G. Die Grundfragen der Soziologie. – Berlin, Leipzig: Göschen'sche Verlagshandlung, 1917. - 103 p.

References

1. Dostoyevski Ph. M. Bratya Karamazovy. [The Karamazov Brothers]. M, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1973, 835 p. (In Russian).
2. Korolev S.V. BINARY kod kak sotsio-kulturnaya matritsa zapadnoevropeyskoy zivilizatsii: F. Nitsche, C. Schmitt, N. Luhmann [Binary code as a socio-cultural matrix of Western European

civilization: F. Nietzsche, K. Schmitt, N. Luhmann]. Pravo v kulturnom izmerenii. Novye vektory razvitiya (pod obshchey red. V.N. Sinyukova i M.A. Yegorovoy). [Law in cultural dimension. New vectors of development (edited by V. N. Sinyukov and M.A. Yegorova)]. M., Prospekt Publ., 2003, pp. 58-66. (In Russian).

3. *Pushkin A.S.* Sobraniye sochineniy v 10 tomakh. Stikhotvoreniya 1823-36 godov. [Collected Works in 10 volumes. The Second Vol. The verses of 1823-36]. M.: Gosudarstvennoye isdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ, 1959, 782 p. (In Russian).

4. *Fijalkowski J.* Die Wendung zum Führerstaat: Ideologische Komponenten in der politischen Philosophie Carl Schmitts. Köln, Westdeutscher Verlag Publ, 1958, 224 p. (In German).

5. *Fukuyama F.* The Ende of History and the Last Man. N.Y.: Free Press Publ, 1992, 456 p.

6. *Goethe J.W.* Faust 1. Hamburger Ausgabe Band 3. München, dtv Publ., 1982, 211 p. (In German).

7. *Helle H.J.* Georg Simmel: Einführung in seine Theorie und Methode. München, Wien: Verlag Oldenburg Publ., 2001, 212 p. (In German).

8. *Henning Ch.* Theorien der Entfremdung. Zur Einführung. Hamburg, Junius Verlag Publ., 2018, 256 p. (In German).

9. *Husserl E.* Die Idee der Phänomenologie. Fünf Vorlesungen. Haag, Martinus Nijhoff. Publ., 1950, 94 p. (In German).

10. *Larmore Ch.* The Morals of Modernity. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1996, 244 p.

11. *Mosse G.L.* The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich. N.Y., Grosset and Dunlap Publ, 1964, 396 p.

12. *Musto M.* Karl Marx's Writings on Alienation: Critiquing Capitalism. London, Palgrave Macmillan Publ, 2021, 196 p.

13. *Schmitt C.* Politische Theologie: Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität [1922]. 10-te Aufl. Berlin, Duncker und Humblot Publ., 2015, p. 43. (In German).

14. *Schmitt C.* Der Begriff des Politischen. München, Duncker und Humblot Publ., 1932, 88 p. (In German).

15. *Schmitt C.* Roman Catholicism and Political Form. Transl. by G.L. Ulmen. Westport, London, Greenwood press Publ., 1996, 102 p.

16. *Simmel G.* Die Grundfragen der Soziologie. Berlin, Leipzig, Göschen'sche Verlagshandlung Publ., 1917, 103 p. (In German).